

**Василий Васильевич Четыркин – крупнейший русский дореволюционный
исследователь Апокалипсиса**

A.C. Небольсин

Василий Васильевич Четыркин (1888-1948) – крупный русский ученый-бibleист, не снискавший столь широкой известности, как многие его старшие коллеги, очевидно, лишь по той причине, что трагические революционные события 1917 и последующих годов, приведшие к фактическому прекращению систематических занятий научным богословием в России, не позволили ему в полной мере проявить свои дарования. Свой единственный сохранившийся¹ крупный труд, являющийся печатным вариантом его магистерской диссертации, В.В.Четыркин опубликовал в 1916 году, то есть перед самой революцией. Этот труд – «Апокалипсис Иоанна Богослова. Исагогическое исследование» (Петроград, 1916) – является весьма показательным в отношении того уровня, на который вышла дореволюционная русская библейстика, ее достоинства и недостатки очень хорошо видны на его примере, поэтому представляется небесполезным вкратце обозреть его. Современная российская библейская наука, делающая самые первые свои шаги, а если говорить более точно, в настоящее время лишь созидающаяся, не может, на наш взгляд, формироваться без учета дореволюционного опыта, без опоры на него и без преемственной связи с ним.

Жизненный путь В.В.Четыркина был вкратце таков². Он окончил Смоленскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию, по окончании которой в 1912 году он был оставлен при ней профессорским стипендиатом по кафедре Священного Писания Нового Завета. В 1913 г. Четыркин поступил на Исторический факультет Санкт-Петербургского университета, где прошел курс исторических наук за два года. В 1916 г. он защитил в Санкт-Петербургской Духовной академии упоминавшуюся выше магистерскую диссертацию, писавшуюся под руководством Н.Н.Глубоковского. С 1920 по 1925 гг. Четыркин был профессором кафедры Истории средних веков и Истории религий Саратовского университета. До Великой Отечественной войны им был написан большой труд об истории Вселенских Соборов, рукопись которого погибла во время блокады Ленинграда. В 1946 г. Четыркин занял кафедру Священного Писания Нового Завета и Истории древней Церкви в Ленинградской Духовной Академии. Скончался В.В.Четыркин после продолжительной тяжелой болезни 8 января 1948 г. Помимо книги об Апокалипсисе,

---

¹ Второй крупный труд Четыркина был утрачен во время Великой Отечественной войны, о чем см. ниже.

² Биографические сведения приводятся по некрологу В.В.Четыркина. См.: ЖМП. 1948. N.3. С. 49-50.

насколько нам известно, были опубликованы лишь две его речи: речь перед защитой магистерской диссертации³ и речь на годичном акте Ленинградской Духовной Академии 9 октября 1947 г⁴.

Приступая к обозрению труда В.В.Четыркина, следует для лучшего его понимания, прежде всего, охарактеризовать тот фон, на котором данное исследование появилось. В первую очередь, нужно отметить, что применительно к Откровению Иоанна Богослова на христианском Востоке вовсе не сложилось более или менее масштабной традиции толкования⁵. В доникейский период обращение к Апокалипсису было частым, но все же, в основном, фрагментарным, а последующие века вплоть до падения Византии дали нам лишь три полных толкования на него – Икумения, Андрея Кесарийского и Арефы Кесарийского. Широкую популярность из них приобрел лишь труд Андрея. В период турократии интерес к Апокалипсису в грекоязычных землях сильно вырос, но многочисленные посвященные ему труды этой эпохи до сих пор остаются в большинстве своем неизданными⁶. Древняя традиция сироязычных церквей вообще не знает Апокалипсиса – Откровение Иоанна Богослова переводится на сирийский язык лишь в VI в. В отличие от Востока древний христианский Запад проявлял устойчивый интерес к Апокалипсису, но относящиеся к первому тысячелетию латиноязычные толкования на него были и оставались вплоть до дней В.В.Четыркина совершенно неизвестными православным читателям. Излишне напоминать о том, что Откровение Иоанна Богослова – единственная книга Нового Завета, не читающаяся в Православной Церкви за литургией. Таким образом, отсутствие значительной восточной святоотеческой традиции толкования Апокалипсиса – первый элемент *background'a* исследования Четыркина.

Вторым его элементом является бурное развитие библейской науки в XVIII - нач. XX вв. в Западной Европе, прежде всего, в Германии. При этом здесь следует особо отметить, что данный период в истории библеистики характеризуется необычайным расцветом разного рода радикальных гиперкритических построений, резко порывающих с традиционными церковными представлениями о Св. Писании. Откровение Иоанна Богослова – одна из тех книг Нового Завета, которые в

³ ХЧ. 1916. N.5-6. C.547-558.

⁴ ЖМП. 1948. N.3. C.34-43.

⁵ Общий обзор традиции толкования и истории рецепции Апокалипсиса см.: Maier G. Die Johannesoffenbarung und die Kirche. Tuebingen, 1981; Wainwright A. W. Mysterious Apocalypse. Interpreting the Book of Revelation. Nashville, 1993; по первому тысячелетию – Kretschmar G. Die Offenbarung des Johannes. Die Geschichte ihrer Auslegung im 1. Jahrtausend. Stuttgart, 1985.

⁶ Их обзор см. Argyriou A. L' Exégèses grecques de l'Apocalypse à l'époque turque (1453-1821). Thessaloniki, 1982.

наибольшей мере подверглись революционным переосмыслениям. Сомнению были подвергнуты единство Апокалипсиса, его христианский характер, его каноническое достоинство, принадлежность перу апостола и евангелиста Иоанна⁷. Особенно значительными в этом отношении были последние десятилетия XIX и начало XX вв., то есть время, непосредственно предшествовавшее написанию книги Четыркина. Вызов современной европейской науки, осуществлявшей радикальную реинтерпретацию священной книги, – второй внешний фактор, требующий обязательного учтения при оценке труда В.В.Четыркина.

Третьим «фоновым фактором» написания исследования Четыркина является характер развития и состояние дореволюционной российской библейской науки и, прежде всего, российского «иоанноведения». Библеистика в XIX веке интенсивно развивалась и в России, причем к началу XX в. русские ученые по уровню своей подготовки вплотную приблизились к своим западным коллегам. Однако общий объем русской литературы по библеистике ни в какое сравнение не шел с объемом литературы западной. Показательно в этом отношении положение дел с Откровением Иоанна Богослова. Ко времени написания книги Четыркина в России была опубликована всего лишь одна научная монография, посвященная именно Апокалипсису⁸, количество же посвященных ему статей можно сосчитать на пальцах одной руки. Правда, Апокалипсис затрагивался также в трудах, посвященных личности апостола и евангелиста Иоанна⁹, – в русской науке апостольское происхождение Апокалипсиса сомнению не подвергалось, – однако, общего положения дел это не меняет. Апокалипсис был изучен в России недостаточно. К этому следует добавить, что недостаточная научная изученность в условиях отсутствия масштабной святоотеческой традиции толкования делала возможным возникновение посвященных Апокалипсису сочинений, не лишенных фантастического оттенка, и получение ими значительно большего общественного резонанса, нежели они заслуживали. Можно привести в этом отношении два

⁷ Наиболее значительные труды гиперкритического характера, посвященные Апокалипсису: Spitta F. Die Offenbarung des Johannes. Halle, 1889; Vischer E. Die Offenbarung Johannis, eine juedische Apokalypse in christlicher Bearbeitung. Leipzig, 1886; Voelter D. Die Entstehung der Apokalypse. Freiburg-Tuebingen, 1882; idem. Die Offenbarung Johannis. Strassburg, 1911.

⁸ Жданов А.А. Откровение Господа о семи азийских церквях. Опыт изъяснения первых трех глав Апокалипсиса. М., 1891. Стоит здесь отметить также книгу прот. Н.Орлова Апокалипсис св. Иоанна Богослова. М., 1904, но этот труд является все же, скорее, качественно написанным образом популярного жанра, нежели собственно научным исследованием. Прот Н.Орлов является также автором посвященного Апокалипсису раздела в лопухинской Толковой Библии.

⁹ См., напр. Успенский И. И. Вопрос о пребывании св. Апостола Иоанна Богослова в Малой Азии // ХЧ 1879. С. 3-31, 279-332; его же. Деятельность св. Апостола Иоанна Богослова в Малой Азии // ХЧ 1879. С. 245-271; Евдоким (Мещерский), еп. Св. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов. Его жизнь и благовестнические труды. Опыт библейско-исторического исследования. Сергиев Посад, 1898.

примера. Первым из них являются известные события запрещения печатания труда архим. Феодора (Бухарева) об Апокалипсисе и последовавшего за ним снятия автором с себя сана, ухода в мир и вступления в брак. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, насколько справедливым и обоснованным было недопущение к печати исследования Бухарева, следует подчеркнуть, что это был труд, с одной стороны, ненаучного характера, а с другой, – не соответствующий святоотеческой традиции толкования Апокалипсиса. Откровение Иоанна Богослова рассматривалось в нем как пророчество о ходе мировой истории, сменяющим друг друга эпохам которой в строгой хронологической последовательности соответствуют разделы Апокалипсиса. Напечатано было сочинение Бухарева лишь посмертно в номерах журнала «Богословский Вестник» за 1913-1916 гг., в 1916 же году оно было издано отдельной книгой¹⁰. Как видим, книги Четыркина и Бухарева увидели свет в одном и том же году, что нельзя не признать символичным, – они являются собой как бы два полюса русских исследований Апокалипсиса. Другим посвященным Апокалипсису ненаучным – в данном случае даже, скорее, псевдо- или антинаучным – трудом, изданным в России в начале XX века и имевшим широкий резонанс, было сочинение Н.А.Морозова «Откровение в грозе и буре» (СПб., 1907), в котором автор – бывший народоволец, отсидевший в одиночной камере почти четверть века, – на основании своих произвольных астрономических расчетов датирует Откровение Иоанна 395 годом и приписывает его Иоанну Златоусту. Конечно, книги Бухарева и Морозова нельзя ставить на одну доску – в первом случае перед нами пусть и весьма спорный, но яркий и талантливый образец, так сказать, «характеристического» прочтения новозаветной книги, во втором же случае мы имеем дело с очевидным плодом распоясавшегося невежества. Однако обе они представляют собой образцы не связанного ни традицией святоотеческого толкования, ни традицией научного исследования объяснения Апокалипсиса. Таким образом, третьим элементом «фона» книги В.В.Четыркина является развитие русской библеистики, не успевшее, однако, привести к появлению достаточного количества исследований по Апокалипсису, и резонанс посвященных ему сочинений «свободного жанра», приобретаемый ими в условиях недостаточной исследованности Откровения Иоанна.

После этих вводных соображений можно приступить к обозрению книги В.В.Четыркина. Вначале будет рассмотрен список использованной в ней литературы, затем будет рассмотрена ее структура, после чего будут вкратце охарактеризованы некоторые отличительные особенности исследования Четыркина, касающиеся как методологических вопросов, так и результатов, к которым ученый пришел.

---

¹⁰Бухарев А.М. Исследования Апокалипсиса. Сергиев Посад, 1916.

Библиографический список в книге Четыркина (с. IX-XVII) не разделен на части, содержащие первоисточники и вторичную литературу. Правда, к нему прилагается отдельный список изданий оригинального греческого текста Нового Завета, которыми исследователь пользовался. Среди них мы видим критические издания Нестле, фон Зодена, Тишendorфа, Весткотта и Хорта, а также выполненную в 1846 г. перепечатку текста Стефануса (то есть *textus receptus*). Помимо этого к списку литературы Четыркин добавляет краткое указание на те не вошедшие в него издания, по которым он цитирует «произведения древне-церковной письменности» — основным источником здесь оказывается патрология Миня. Но произведения межзветной иудейской апокалиптики включены в основной список литературы под фамилиями подготовивших соответствующие издания авторов¹¹. В целом же библиографический список Четыркина выглядит следующим образом. Он включает в себя 206 наименований, что для труда, общий объем которого составляет 515 страниц, представляется цифрой не большой и не маленькой, а вполне нормальной. Гораздо показательнее распределение литературы по языкам. Из указанных 206 наименований лишь 19 являются русскоязычными, причем из этих 19 изданий два являются переводами на русский язык иностранных книг¹². Англоязычных наименований представлено 29, а франкоязычных — 13. Все прочие содержащиеся в списке литературы издания написаны на немецком языке. То есть общий объем литературы на русском, английском и французском языках в два с половиной раза уступает объему литературы немецкой! Для современной библеистики эта пропорция является немыслимой, но реалии эпохи Четыркина она отражает достаточно верно. Библейская наука XIX в. — это, прежде всего, наука немецкая. В соответствии с этим, Четыркин ведет диалог, в первую очередь, с доминирующей в области исследований Св. Писания немецкой библеистикой. Интересен и анализ представленных в списке литературы имен. Значительная часть авторов, с которыми мы здесь сталкиваемся, — это забытые ныне «пролетарии умственного труда», работы которых, в лучшем случае, представляют сейчас интерес лишь для узких специалистов по истории библейской науки. Но есть среди них и выдающиеся ученые, труды которых до сих пор не потеряли своего значения и продолжают приниматься во внимание и цитироваться исследователями Нового Завета. К таковым должны быть отнесены специалист по грамматике Нового Завета Ф.Бласс, представители т.н. «религиозно-исторической» школы исследования Библии В.Буссет и Г.Гункель, авторы крупных

¹¹ Напр.: Kautzsch E. Die Apokryphen und Pseudoepigraphen des Alten Testaments. Zweiter Band. Tuebingen, 1900; Charles R.H. The Apocalypse of Baruch. London, 1896.

¹² Делич Ф. Библия и Вавилон. СПб., 1906; Ньютон И. Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна. Петроград, 1915.

англоязычных комментариев на Апокалипсис Р.Г.Чарлз¹³ и Г.Б.Свит, специалист по историческим реалиям апостольского века У.М.Рамсей, автор масштабного труда по истории еврейского народа Э.Шюрер, исследователь иудейской эсхатологии П.Фольц, а также крупнейший представитель либерального немецкого богословия кон. XIX – нач. XX вв. А.фон Гарнак и его антипод консерватор Т.Цан. В целом, знакомство В.В.Четыркина с научной литературой его времени может быть охарактеризовано как прекрасное, в полной мере отвечающее требованиям, предъявляемым к человеку, взявшемуся за глубокое научное исследование избранного им предмета. Нельзя не отметить также, что труд Четыркина очевидным образом свидетельствует о том, что для дореволюционной Духовной Академии обеспечить для своего студента или сотрудника полномасштабный доступ к современной научной литературе не представляло серьезной проблемы.

Рассмотрим теперь структуру исследования Четыркина. Работа начинается предисловием (с. III-XVII), в которое включен и рассмотренный выше список литературы. В этом предисловии автор, в частности, обосновывает структуру своего труда. Он отмечает, прежде всего, что его задачей являлось «предложить ... опыт целостного историко-критического обозрения» Апокалипсиса «во всех главнейших, основных вопросах». Задача эта характеризуется Четыркиным как сложная «виду современного положения вопроса об Апокалипсисе» (с. V). Здесь исследователь указывает на сомнения в апостольском и даже христианском происхождении Откровения Иоанна, а также в его единстве. Эта проблематика определяет появление двух отделов книги Четыркина: «О происхождении Апокалипсиса» (отдел II) и «О составе Апокалипсиса» (отдел III). Обрамляются эти два отдела историческим обозрением свидетельств о каноническом достоинстве Апокалипсиса и имеющим характер вывода из предшествующих отделов «в связи с достигнутым взглядом на происхождение и состав писания» отделом, посвященным вопросу авторства Апокалипсиса. Таким образом, общий план книги Четыркина таков:

Отдел I. Апокалипсис в новозаветном каноне (с. 1-70).

Отдел II. О происхождении Апокалипсиса (с. 71-261).

Отдел III. О составе Апокалипсиса (с. 263-384).

Отдел IV. О писателе Апокалипсиса (с. 385-509).

В самом конце книги помещено приложение, представляющее собой кратчайшее обозрение рукописей и главнейших переводов Апокалипсиса (с. 510-511).

Каждый из этих крупных отделов книги Четыркина состоит из более мелких подразделов. В первом отделе особо рассматриваются взгляды на Апокалипсис в

---

¹³ Следует, правда, отметить, что комментарий Чарлза увидел свет лишь в 1920 году, и Четыркин, естественно, с этим трудом английского ученого был незнаком.

доникейский период (с. 4-30), с IV века до Реформации (с. 31-39) и от Реформации до времени самого Четыркина (с. 40-56). Здесь следует сказать, что на самом деле, вопреки названию соответствующего подраздела, никакого рассмотрения воззрений на Апокалипсис от IV века до Реформации Четыркин не предлагает, речь у него идет лишь о IV-V вв., после чего он сразу переходит к эпохе Реформации, очевидно, ввиду того, что, по его мнению, после V века и вплоть до века XVI статус Откровения Иоанна как канонической книги никем не оспаривался. Это в целом верно, но все же нельзя не отметить, что Трулльский Собор 691-692 гг. придал нормативный статус спискам священных книг как включающим, так и не включающим Апокалипсис, что, конечно же, заслуживало бы если не развернутого анализа, то хотя бы упоминания. Завершается первый отдел подразделом, посвященным вопросу о составе Апокалипсиса (с. 56-70). Здесь кратко обозреваются основные критические гипотезы, предполагающие составление Апокалипсиса из источников и фрагментов разнородного происхождения. Это подраздел явным образом подготовливает третий большой отдел исследования Четыркина, целиком и полностью посвященный вопросу о составе Откровения Иоанна.

Во втором отделе книги Четыркина – «О происхождении Апокалипсиса» – первый подраздел посвящен рассмотрению т.н. религиозно-исторической гипотезы в применении к толкованию Апокалипсиса (с. 71-126), суть которой вкратце можно охарактеризовать как убежденность в мифологическом – древнеближневосточном или эллинистическом – происхождении образности Откровения Иоанна, определившем и идейное содержание священной книги. Проведя достаточно тщательный анализ основных идей представителей религиозно-исторической школы, среди которых выделяется фигура Г.Гункеля, Четыркин делает вывод об их субъективизме и бездоказательности и заявляет: «в дальнейшем исследовании религиозно-историческая гипотеза совершенно устраниется нами с поля зрения» (с. 126). Второй подраздел данного отдела посвящен рассмотрению взаимоотношений Откровения Иоанна и памятников иудейской псевдоэпиграфической апокалиптики (с. 127-242), причем сам он состоит из двух частей: в первой из них анализируется учение иудейской апокалиптики, а во второй с этим учением сопоставляется новозаветный Апокалипсис. Обе эти части распадаются, в свою очередь, на более мелкие тематические главки, например, в части, посвященной иудейской апокалиптике, отдельно рассматривается учение о личности Мессии, о мессианском царстве и конце времен, об «антимессии», об ангелах и демонах, чему соответствуют параллельные главки в новозаветной части. На с. 241-242 Четыркин резюмирует содержание данного подраздела в девяти тезисах. Суть этих тезисов сводится к тому, что новозаветный Апокалипсис резко отличается от памятников иудейской

апокалиптики во многих отношениях и превосходит их как по художественному уровню, так и по содержательной глубине. Связь между ними состоит лишь в пользовании иногда «общими ходячими образами». В третьем подразделе второго отдела своей книги Четыркин рассматривает вопрос о читателях Апокалипсиса (с. 243-261). Логика появления этого подраздела в данном месте очевидна такова: в предыдущих подразделах исследователь отверг представления о языческом и иудейском происхождении круга образов и идей Апокалипсиса, теперь же он стремится показать специфически христианские обстоятельства появления священной книги. Внимание ученого здесь сосредоточено, в основном на посланиях семи церквам (Откр 2-3). Весьма специфическим, отражающим позицию лишь значительного меньшинства исследователей и толкователей как в его, так и в наше время, является понимание Четыркиным ангелов церквей как их епископов. Среди обстоятельств являющихся адресатами Апокалипсиса малоазийских церквей исследователь выделяет враждебность со стороны иудеев, притеснения со стороны язычников, – как государства, так и толпы, – и наличие внутренних разделений. При этом масштаб гонений со стороны государства оценивается очень умеренно, утверждается, что церкви находятся лишь «накануне систематического кровавого преследования» (с. 252), а в николаитах Четыркин видит представителей либертинистического гносиса, связь которых с упомянутым в Деян 6. антиохийским прозелитом Николаем – одним из семи мужей, выбранных для «служения столам», – представляется ему возможной.

Третий отдел труда Четыркина содержит тщательнейший разбор вопроса о составе Апокалипсисе (с. 263-384). В наше время написание столь крупного раздела, посвященного данной проблеме, было бы анахронизмом ввиду признания абсолютным большинством исследователей единства Откровения Иоанна, но в начале XX в., когда отмеченные выше гиперкритические расчленения книги еще были широко распространены, появление в исагогическом исследовании об Апокалипсисе масштабного раздела, посвященного проблеме его единства, является в полной мере оправданным. Начинает этот отдел Четыркин с исключительно важного введения, в котором он высказывает свои соображения относительно драматургии и структуры Апокалипсиса. Здесь исследователь отмечает, что в Апокалипсисе нельзя видеть «беспрерывное поступательное движение вперед сплошь от начала к концу книги» (с. 265). «Мы видим в нем не развитие, определяемое временною последовательностью, но положительно утверждаем параллелизм некоторых видений» (с. 266), – пишет Четыркин. Общий взгляд на содержание Апокалипсиса ученый выражает следующим образом: «Содержание и задачу этого пророчества мы полагаем не в предсказании будущих событий в их конкретной

форме, а в прозрении в общие перспективы, в каких рисуется в будущем взаимоотношение царства Божия и мира. В Апокалипсисе мы имеем дело главным образом с кругом образно представленных идей, а не с событиями будущей истории» (с. 267). Взгляд Четыркина на структуру Откровения Иоанна таков: первые три главы книги он рассматривает как ее пролог, 22.10-21 – как заключение. В обрамляющем ими основном корпусе видений он выделяет четыре части, из которых первые три, привязанные к схеме семи казней, параллельны друг другу (I: 4.1-8.1; II: 8.2-11.19; III: 12.1-19.10), а четвертая (19.11-22.9) является продолжением того, на чем прерывается действие в каждой из первых трех. Далее в подразделах, соответствующих выделенным им частям Апокалипсиса, Четыркин с поразительной скрупулезностью разбирает все гипотезы западных критиков относительно возможных первоисточников того или иного места Апокалипсиса, интерполяций, следов редакторской работы и т.п. В результате этого тщательного анализа он приходит к выводу о полном текстологическом, драматургическом и содержательном единстве и цельности Откровения Иоанна Богослова. Завершается третий отдел исследования В.В.Четыркина кратким экскурсом, посвященным проблеме использования в Апокалипсисе легенды о *Nero redivivus*, относительно возможности отражения которой в Откровении Иоанна ученый высказываетсь весьма скептически.

В четвертом отделе своей книги Четыркин рассматривает вопрос авторства Апокалипсиса (с. 385-509). В первом его подразделе (с. 387-390) он разбирает свидетельства самой книги о ее авторе. Второй подраздел (с. 391-502) посвящен утверждению тезиса об апостоле и евангелисте Иоанне как авторе Апокалипсиса. Этот подраздел, в свою очередь, распадается на три части. Первая из них (с. 391-422) содержит биографические сведения об апостоле, черпаемые как из новозаветных книг, так и из позднейшей церковной письменности, вторая (с. 422-484) посвящена рассмотрению вопроса об отношении Апокалипсиса к Евангелию и посланиям ап. Иоанна со стороны их содержания (сопоставление проводится здесь по семи пунктам: отношение к иудейству, иоанновский «дуализм», христология, искупление, учение о Св. Духе, вера и дела, эсхатология), а третья (с. 484-502) сопоставляет эти же новозаветные книги в отношении их языка. Во второй и третьей частях Четыркин, не затушевывая различий между четвертым Евангелием и Апокалипсисом, находит, тем не менее, возможным решительно утверждать возможность их происхождения от одного автора. Наконец, третий подраздел четвертого отдела книги Четыркина (с. 503-509) рассматривает вопрос о времени, месте и цели написания Апокалипсиса. Здесь ученый высказываетсь в пользу традиционной датировки Откровения Иоанна концом правления Домициана (сер. 90-х гг.), а в качестве места его написания указывает Патмос. Повод же для написания книги Четыркин описывает в следующих

словах: «в то время уже было ясно, что наступает период, когда римская империя откроет поход против христианства с целью стереть его с лица земли. Представление об этих угрожающих церкви бедствиях, в связи с сознанием полной победы христианства, и послужило поводом к написанию Апокалипсиса» (с. 508).

Обозрев структуру книги В.В.Четыркина, следует теперь охарактеризовать некоторые ее особенности и дать ей краткую общую оценку. Эрудиция российского исследователя выше уже была охарактеризована как первоклассная. Но знакомство с литературой – это еще не исследование, а всего лишь необходимое предварительное условие для его осуществления. Что же можно сказать о качестве и характере исследования как такового?

Общая его структура представляется неплохо обоснованной и продуманной. Однако некоторые ее частности придают ей определенную шероховатость. Во-первых, это касается неоднократных повторений, когда об одном и том же предмете говорится в разных местах¹⁴. С добродушной иронией можно сказать, что автор настолько «вчитался» в Апокалипсис, что его литературные особенности начал вносить в свой собственный текст: то тут, то там мы сталкиваемся с «антиципациями», «рекапитуляцией» и т.п. Например, первый отдел заканчивается подразделом, посвященным вопросу о составе Апокалипсиса, которому и без того посвящен весьма масштабный третий отдел книги, а ряд древнецерковных свидетельств об Апокалипсисе и его авторе разбирается как в первом отделе, посвященном месту Откровения Иоанна в новозаветном каноне, так и в четвертом, где речь идет о его авторстве. Во-вторых, некоторые разделы книги, которые логично было бы видеть рядом, разделены сотнями страниц. Например, о читателях Апокалипсиса и об обстоятельствах их жизни речь идет в конце второго отдела (с. 243-261), а о времени, месте и цели его написания – в конце четвертого (с. 503-509). Все это, конечно, создает определенные неудобства при работе с книгой.

Гораздо более серьезным недостатком книги Четыркина представляется тот, который связан с прекрасной осведомленностью автора в области научной литературы, являясь ее обратной стороной. Речь идет об определенной зависимости Четыркина от трудов западных ученых. Конечно, эта зависимость никогда не проявляется в виде простого следования их установкам и выводам – в этом отношении русский ученый, скорее, настроен как раз на полемику. Однако эта полемика ведется по пунктам, предопределенным западной стороной. Четыркин недостаточно самостоятелен в постановке вопросов. Сам по себе этот факт понятен ввиду отмеченного выше колossalного превосходства западной – прежде всего,

---

¹⁴ Следует, однако, признать, что Четыркин осознавал эту особенность своей книги и сделал в предисловии оправдывающие ее оговорки (с. VI-VII).

немецкой – науки над российской в отношении общего объема трудов. Однако гиперкритические перехлесты западных исследователей того времени были все же столь вопиющи, взгляды критикуемых Четыркиным авторов были настолько несоизмеримы и несочетаемы как с традиционным церковным подходом к Апокалипсису, так и просто со здравым смыслом, что благородная готовность русского библеиста поднять брошенную перчатку и ответить буквально на все пункты критики представляется излишней. Это если и не Сизифов труд, то, во всяком случае, своеобразное сочетание совершенно необязательной чистки Авгиеевых конюшен с войной с ветряными мельницами. Выше было отмечено, что наличие в книге крупного раздела, посвященного проблеме цельности и единства Апокалипсиса, в эпоху их отрицания, является обоснованным. Однако характер этого раздела мог бы быть другим. Нам представляется, что вместо 120-страничных сражений по поводу каждой фантазии какого-нибудь немецкого «зауряд-профессора» лучше было бы на пятидесяти страницах – вместо наличествующих пяти – изложить собственные здравые взгляды на метод интерпретации и драматургическое развитие Апокалипсиса. Общая значимость труда от этого нисколько не потеряла бы. Впрочем, отмеченный недостаток, конечно же, является исторически обусловленным. Российская библеистика ко времени написания рассматриваемой книги лишь завершала период своего ученичества. Труд Четыркина – это произведение отличного ученика, уже достигшего уровня своих учителей, которому не хватает лишь полноценного опыта собственного свободного творчества. А гиперкритические расчленения Откровения Иоанна скоро потеряли научный вес и сошли на нет, так что в современной науке единство Апокалипсиса признается абсолютным большинством исследователей¹⁵, и позиция Четыркина как таковая оказалась, таким образом, в полной мере оправданной.

Не лишенной изъянов выглядит позиция Четыркина в вопросе об авторстве Откровения Иоанна. Здесь не вполне удовлетворительным представляется вовсе не твердая убежденность исследователя в единстве автора четвертого Евангелия и Апокалипсиса, а то, каким образом это единство обосновывается. Рассматривая знаменитый фрагмент Папия Иерапольского, сохранившийся у Евсевия Кесарийского (Церковная история III.39.3-4), сообщающий о том, как Папий собирал информацию о Христе и апостолах, Четыркин несколько затушевывает

---

¹⁵ Из крупных современных ученых, пожалуй, лишь Дэвид Ауни отдает дань обветшавшей гиперкритической традиции и проводит в своем гигантском по объему и беспримерном по насыщенности фактической информацией комментарии идею о написании Апокалипсиса в несколько приемов, о различных стадиях редактирования текста и т. п. См.: Aune D. E. Revelation 1 – 5. Dallas, 1997; idem. Revelation 6 – 16. Dallas, 1998; idem. Revelation 17 – 22. Dallas, 1998.

проблематичность текста, и безапелляционно утверждает вовсе не очевидное тождество упоминающихя в нем апостола Иоанна и пресвитера, носящего то же имя (с. 408-413)¹⁶. Анализируя богословские особенности иоанновских писаний Нового Завета, российский исследователь явно придает заведомо больший вес сходству между Апокалипсисом и прочими книгами иоанновского корпуса, нежели различию между ними, что же касается их взаимоотношений в области языка, то здесь Четыркин формулирует свой вывод о происхождении их от одного автора едва ли не вопреки собственному анализу. Можно сказать, что в части исследования, посвященной писателю Апокалипсиса, явным образом обнаруживаются апологетические тенденции и некоторая исследовательская скованность автора. Отвлекаясь от труда Четыркина, скажем, что на наш взгляд, вопрос авторства Апокалипсиса не может быть решен чисто научными средствами. Между Апокалипсисом и прочими книгами иоанновского корпуса существует как сходство, так и различия, и ответ на вопрос, что же из них перевешивает, с научной точки зрения всегда будет окрашен субъективизмом. Позиция большинства современных ученых, отвергающих единство автора четвертого Евангелия и Апокалипсиса¹⁷, также представляется отнюдь не неуязвимой. Как научная проблема этот вопрос должен считаться открытым. Решаться при настоящем состоянии науки он может лишь в порядке веры.

Можно отметить также явную недооценку Четыркиным значения межзаветной иудейской апокалиптики для изучения новозаветного Апокалипсиса, его почти пренебрежительное отношение к ней. Здесь, возможно, тоже проявилась некоторая апологетическая озабоченность тем, чтобы не слишком сблизить священную книгу с неканоническими иудейскими писаниями.

Что касается отношения Четыркина к религиозно-исторической интерпретации Апокалипсиса, то здесь ученый оказался принципиально прав, отрицая ее герменевтическую адекватность, однако ее радикальное отвержение выглядит ныне, пожалуй, чрезмерным. Возможность того, что палестинский иудео-христианин мог использовать образы языческо-мифологического происхождения, не представляется исключенной. Разумеется, при этом предполагается коренная христианская

¹⁶ Насколько сложна и запутанна проблема свидетельства Папия, его позднейшей рецепции и связи с вопросом об авторстве книг иоанновского корпуса, видно по трудам таких корифеев современной библеистики, как Мартин Хенгель и Ричард Бокхем, полным небесспорных предположений. См. Hengel M. Die johanneische Frage. Tuebingen, 1993; Bauckham R. Jesus and the Eyewitnesses. Grand Rapids, 2006.

¹⁷ Впрочем, есть и значительные исключения. Например, среди авторов крупных комментариев последних лет апостольское авторство Апокалипсиса принимают Osborne G. R. Revelation. Grand Rapids, 2002 и Smalley S. S. The Revelation to John. Downers Grove, 2005.

реинтерпретация этих образов¹⁸. Надо еще сказать, что с точки зрения сегодняшнего исследования Апокалипсиса, Четыркин явно недостаточное внимание уделил образности, связанной с императорским культом.

Переходя к оценкам положительным, отметим, что очень трезвой, в значительной мере соответствующей господствующим в современной науке представлениям, является характеристика В.В.Четыркиным обстоятельств возникновения Апокалипсиса и состояния малоазийских церквей, к которым он обращен. Домициановская датировка Откровения Иоанна, принимаемая русским ученым, в его время казавшаяся вовсе не бесспорной, в настоящее время признается большинством исследователей. Также широко распространенным является взгляд, представленный у Четыркина, согласно которому церкви в момент написания Апокалипсиса не преследуются организованно и систематически, но на горизонте уже появляется опасность такого преследования, прозреваемая Тайнозрителем. При этом образы многочисленных мучеников являются откликом на гонения Нерона. Правда, Четыркин не разделяет широко распространенного в настоящее время взгляда, согласно которому серьезнейшую опасность Тайнозритель видит в готовности ряда христиан, в том числе и пользующихся влиянием в церквях (жена Иезавель, николаиты), пойти на компромисс с языческим миром, лояльно относясь к его религиозно окрашенному быту. Четыркин рассматривает николаитов как представителей раннего либертинистического гносиса, что является точкой зрения, оставленной абсолютным большинством современных исследователей.

Наиболее ценными представляются соображения Четыркина о структуре и драматургии Откровения Иоанна Богослова. Его мысли об отсутствии в нем поступательного линейного движения вперед, о повторности как важнейшем драматургическом элементе Апокалипсиса, о содержании его как прозрении в общие перспективы будущих взаимоотношений Церкви и мира, а не как сценарии развертывания конкретных событий будущего, имеют непреходящую ценность и оказываются близкими здравомыслящему большинству современных исследователей последней книги Св. Писания. Краткий план Откровения Иоанна, предложенный Четыркиным, обнаруживает точки пересечения со структурными схемами, содержащимися в трудах наиболее тщательных исследователей построения Апокалипсиса.

И, наконец, следует отметить, что в своем исагогическом труде В.В.Четыркин несколько раз предлагает весьма удачные краткие эзекиетические разборы отдельных

---

¹⁸ Помимо упомянутого выше комментария Д.Ауни, содержащего обильный материал по данному вопросу, можно указать еще на труд Morton R. S. One upon the Throne and the Lamb: a tradition historical/theological analysis of Revelation 4–5. New-York, 2007, посвященный источникам образности Откр 4–5.

мест Апокалипсиса, из которых отметим лишь сопоставление образов 144000 запечатленных из двенадцати колен Израилевых и великого множества людей из всех народов (Откр 7), в ходе которого исследователь приходит к выводу, что перед нами здесь два образа вселенской Церкви: в первом случае в ее земном бытии как Церкви воинствующей, а во втором – в ее небесной славе как Церкви торжествующей.

Таким образом, в книге В.В.Четыркина можно увидеть и достоинства и недостатки. Это труд, с одной стороны, написанный исследователем большой эрудиции и содержащий много трезвых и взвешенных суждений и оценок, а с другой стороны, свидетельствующий о неполной самостоятельности автора и об определенной его апологетической ангажированности. Какова же должна быть его общая итоговая оценка? На наш взгляд, она, безусловно, должна быть положительной ввиду, во-первых, фактического наличия в ней ценного в научном отношении материала, и, во-вторых, обстоятельства ее появления. Как уже отмечалось выше, российская библейская наука ко времени написания труда Четыркина как окончательно оформленвшееся целое еще не существовала, она лишь находилась на завершающем этапе своего становления. Книга Четыркина свидетельствует о том, что это становление проходило успешно, что по своей предварительной подготовке русский ученый в начале XX в. не уступал западному, и все условия для осуществления самых серьезных научных проектов в России наличествовали. Русская библеистика была готова к серьезному творческому прорыву, в ходе которого она должна была засвидетельствовать свою независимость от науки западной, у которой она ранее училась, и явить свою творческую свободу. События 1917 и последующих годов не позволили этому осуществиться, как, возможно, они не позволили и лично В.В.Четыркину дополнить свое исагогическое исследование экзегетическим трудом об Апокалипсисе. Однако для тех, кто в наше время работает на ниве возрождения вновь формирующейся, вынужденной учиться – и учиться, прежде всего, у Запада – библейской науки, пример таких людей, как В.В.Четыркин, может, и, на наш взгляд, должен, быть вдохновляющим.